

Реалистические традиции

На редкость интересно и насыщенно начался нынешний музыкально-театральный сезон столицы. Не успели отшуметь овадии, которыми проводили московские зрители полюбившихся им артистов «Ла Скала», как открылись гастроли Малой оперной труппы Королевского театра «Ковент-Гарден». Три спектакля показали нам англичане, и все они принадлежат крупнейшему современному композитору Англии Бенджамину Бриттону.

Большой друг советских музыкантов, частый и желанный гость нашей концертной эстрады, талантливый дирижер и пианист, исполнитель своих произведений, Бенджамин Бриттен давно завоевал популярность как выдающийся представитель искусства человеческого и глубокого, обращенного к широкому массам слушателей.

«Я стремлюсь писать для людей», — говорит Бриттен, убежденный в том, что композитор должен творить для народа. Отсюда и его верность реализму, и непримитивные модернистические течения, в отношении которых, по его мнению, на Западе существуют «невероятный снобизм и притворство». Взгляды Бриттена близки нам. «Новатором, — говорит он, — можно бы назвать композитора, использовавшего в своем оркестре сигнал троллейбуса. Только вряд ли это было бы хорошо... Истинно новаторской, свежей будет музыка, написанная композитором, чувствующим дух своей эпохи: в произведении сами собой выявятся современные мышление, новые мысли и содержание».

Это не декларация, а гвор-

ческое кредо композитора, итог его художественной практики. Бриттен не оставил без внимания почти ни один музыкальный жанр: мы знаем его симфонические произведения, в том числе блестящие «Вариации на тему Перселла», песни и романсы, камерные и концертные сочинения (некоторые из них, написанные для виолончели, посвящены М. Ростроповичу), его грандиозный «Военный реквием» — гимн героизму и мужеству борцов против фашизма.

Но знакомство с операми Бриттена говорит, что он прежде всего прирожденный драматург, что все новаторские находки композитора великолепно синтезированы им в музыкально-сценическом жанре. Его оперное творчество — еще одно блестящее подтверждение важнейшего тезиса реалистической эстетики: подлинное новаторство всегда является продолжением и развитием лучших традиций национального и мирового искусства. Да, оперы Бриттена воспринимаются как явление необычайно свежее, новое по трактовке жанра, по музыкальному языку, по драматургии. И в то же время они тысячами нитей связаны с живыми традициями оперной сцены.

Первое, что привлекает в спектаклях Бриттена, — это стремление композитора внушить зрителям высокие гуманистические идеалы. «Поругание Лукреции» представляет собой прекрасный гимн любви и дружбе, моральной чистоте и верности человеческих отношений. В «Альберте Херринге» композитор с блистательной иронией и веселым юмором вы-

смывает мешанское ханжество буржуазной «добродетели» и поет хвалу полнокровной, здоровой жизни. И даже в «Повороте винта» живая, яркая музыка преодолевает туманную неясность мистического сюжета, рассказывает нам о конкретных чувствах и добрых стремлениях людей.

Для каждого из этих спектаклей композитор находит оригинальную форму, своеобразные принципы драматургии. Если «Альберт Херринг» тесно связан с классическими традициями комической оперы, то в «Поругании Лукреции» Бриттен по-новому возрождает принцип античной трагедии. Но во всех случаях композитор остается прежде всего оперным драматургом.

Ценне, человеческий голос, вокально-сценические образы доминируют в его операх, создавая неповторимо яркие характеры героев, передавая иной раз тончайшие детали их переживаний.

«Мелодия, творимая голосом» — этот новаторский тезис Мусоргского вполне мог бы повторить и Бриттен, только и чутко воссоздающий пластическую вокальную речь своих персонажей. Столь же пластичен и выразителен его оркестр, где каждый инструмент приобретает понятие драматургическую роль, дополняя вокальные характеристики действующих лиц, раскрывая психологический подтекст действия. А сколь великолепно по своей музыкальной красоте и живописной точности симфонические «пейзажи» Бриттена.

Почти все оперы Бриттена решены в строго камерном плане: его оркестр обыч-

но не превышает полутора десятков исполнителей, а состав действующих лиц колеблется между шестью («Поворот винта») и тринадцатью («Альберт Херринг») персонажами. И этого оказывается вполне достаточно для того, чтобы увлечь слушателя.

Все это помогло нам понять талантливую труппу артистов «Ковент-Гарден» во главе с Питером Пирсом. В ее лице мы встретились не с группой отдельных певцов-солистов, а с коллективным воспитанным в единич художественных традициях подлинно реалистического оперного искусства. Поэтому не хочется здесь кого-либо выделять. Поражает не столько вокальная одаренность певцов, хотя каждый из них без труда выполняет сложные задачи, которые ставит перед ним композитор. Поражает удивительная свобода и естественность сценической жизни исполнителей, и особенно — их жизни в музыке. Точность интонирования, предельная ясность дикции, полное отсутствие форсировки, погони за «звучком» и прочих штампов, еще крайне звучащих на оперной сцене, говорят о незаурядном мастерстве английских артистов.

Давно известная истина гласит, что новая драматургия рождает новый тип актера. Это блестяще доказывают спектакли Малой труппы «Ковент-Гардена», в успехе которых большая заслуга принадлежит самому композитору, нередко встающему за дирижерский пульс, дирижерам Мередиث Дейвис и Брайану Болкуилл, режиссерам-постановщикам Колин Грэм и Вэзил Колмен.

Е. ГРОШЕВА.

Ярваца, 1964, 27 окт.